

Доктор Дэвид ДеСильва, Апокрифы, Лекция 9, Апокрифы в христианской церкви и каноне

© 2024 Дэвид ДеСильва и Тед Хильдебрандт

Это доктор Дэвид ДеСильва в своем учении об апокрифах. Это занятие 9: «Апокрифы в христианской церкви и каноне».

На последней лекции этой серии мы приступаем к рассмотрению вопроса о месте апокрифов в христианском каноне и христианской церкви.

Я надеюсь, что к этому моменту я убедительно обосновал ценность апокрифов как еврейской литературы. В этой лекции я просто хочу рассмотреть место апокрифов в различных христианских канонах и обоснование решений, принимаемых той или иной стороной. И я хотел бы начать с рассмотрения места апокрифов в еврейской Библии.

В иудаизме, похоже, не было таких дискуссий по поводу этих книг, как в христианской церкви на протяжении веков. Их почти никогда не считали авторитетными в Священных Писаниях или что-то в этом роде. Однако к моменту возникновения раннего христианского движения в еврейской общине еще не было официальных заявлений о каноне Священного Писания.

То есть, хотя ранние христиане унаследовали Священные Писания от синагоги, они не унаследовали от синагоги закрытый канон. А теперь давайте вместе немного подумаем о возникновении канона в еврейской общине. Как я уже упоминал, нет никаких записей о внутренних дискуссиях по поводу канона, которые начали бы достигать уровня энергии, специфичности и строгости христианских канонических дебатов III и IV веков или периода Реформации.

Однако, скажем, во II веке до нашей эры мы уже начинаем видеть широкие ссылки на основные группы внутри формирующегося еврейского канона. Например, во Второй Маккавейской книге, как и в Евангелии от Матфея, мы часто находим ссылки на закон и пророков как способ говорить о собрании авторитетных текстов, которые определяют и направляют еврейскую общину. В некоторых книгах мы находим трехчастное описание этого массива литературы.

Например, в Прологе к Бен-Сире внук Бен-Сире примерно в 132 г. до н. э. рассказывает о законе, пророках и других книгах наших предков. Своего рода разделение на три части, которое отчасти отражено в Евангелии от Луки 24, когда Иисус говорит обо всем, что было написано о нем в законе, пророках и псалмах, как о, возможно, единственном и наиболее важном представителе других книг с точки зрения поклоняться жизни Израиля. Итак, существует четкий

консенсус без каких-либо дебатов, без каких-либо дискуссий относительно авторитета первой из этих категорий, Торы или Пятикнижия, пяти книг Моисея.

Кажется, также нет споров об авторитете главных и малых пророков, под которыми я подразумеваю Исаяю, Иеремию, Иезекииля и Двенадцать. Те пророки, о которых мы склонны говорить как о второстепенных пророках, но ко времени Бен-Сиры уже были группой из двенадцати человек, как он называет их в Бен-Сира 49:10. Вполне вероятно, что когда евреи говорят о законе и пророках, они имеют в виду не только то, что христиане называют пророческими книгами, но и исторические книги, которые евреи исторически называли ранними пророками. Как я только что упомянул, третий раздел Священных Писаний — другие книги — также был признан, но его границы на рубеже эпох не были столь четко определены.

И именно здесь мы увидим, что дебаты имеют тенденцию происходить там, где есть дебаты. Теперь некоторые еврейские группы, похоже, сформировали узкий круг вокруг своих Священных Писаний, например самаритяне, для которых Тора, по-видимому, была на первом месте. Это не значит, что они не читали пророков, но Тора была основным каноном.

Другие группы евреев, по-видимому, очертили более широкий круг, чем мы ожидали. Например, сообщество Кумрана называет такие книги, как «Первый Енох» и «Юбилеи», авторитетными текстами и обращается с ними так же, как с тем, что мы бы назвали каноническими писаниями. Кстати, Иуда, письмо Иуды, что интересно, цитирует отрывок из Первого Еноха и ожидает, что он будет иметь вес как авторитетный текст среди его слушателей.

Однако к концу первого века нашей эры в иудаизме явно появилось понимание закрытого корпуса священных книг. Иосиф Флавий пишет, например, в своего рода апологии еврейского образа жизни против Апиона, он пишет, ибо у нас есть только 22 книги, которые содержат все записи, извините, которые содержат записи всех прошлых времен, которые справедливо считался божественным. Пять принадлежат Моисею и содержат его законы и предания о происхождении человечества до самой смерти Моисея.

Пророки, которые были после Моисея, записали все, что происходило в их время, в 13 книгах. Остальные четыре книги содержат гимны Богу и наставления по образу жизни человека. Вы сразу можете подумать: 22 книги? Я думал их 37.

Иосиф Флавий и его коллеги перечисляют эти книги иначе, чем мы. Например, 12 малых пророков – это не 12 книг. Это один свиток, свиток из 12.

Итак, они считаются одной книгой среди этих 22. И 1 и 2 Царств, 1 и 2 Царств, даже если они занимают два свитка, они считаются за одну книгу. Итак, Иосиф

Флавий, мы можем объяснить большую часть нашего канонического Ветхого Завета в 22 книгах Иосифа Флавия, хотя, возможно, не в двух произведениях, возможно, не в Есфири и Экклезиасте.

Автор 4 Ездры, 2 Ездры 3–14, ссылается на 24 вдохновленные книги, которые могут читать как достойные, так и недостойные. А если допустить 24, то, по сути, мы имеем все 37 книг, на которые мы делим Ветхий Завет или Еврейскую Библию. Примерно в то же время, в конце первого века, ранние раввины чувствовали необходимость делать заявления в своих трудах лишь о авторитете нескольких книг.

В этих заявлениях мы находим утверждения в отношении Эстер и Экклезиаста, но отрицаем статус священного писания мудрости Бен-Сираха. По сути, это говорит нам о том, что к концу первого века дебатов действительно не было. И это, пожалуй, единственные обсуждаемые книги.

На самом деле, мы должны добавить Песнь Песней, потому что во втором веке она все еще обсуждается в некоторых раввинистических текстах. Таким образом, эти четыре книги будут единственными, которые действительно обсуждаются, и некоторые люди, возможно, будут настаивать на включении Бена Сираха. И еще несколько человек настаивают на том, чтобы Есфирь, Экклезиаст и Песнь Песней были отложены.

Зачем принимать решение против Бен-Сираха и других подобных книг, одновременно принимая решение в отношении Есфири, Экклезиаста и им подобных? Кажется, я имею в виду, с точки зрения того, что на самом деле объяснено в литературе, кажется, что это убеждение в том, что пророческий голос больше не говорил после завершения восстановления второго храма. Итак, с работой таких пророков, как Аггей, пророческий голос прекратился. Вы знаете, этот последний рывок к завершению строительства второго храма и что у вас есть.

И, конечно же, Экклезиаст, будучи данью уважения Соломону, попадает сюда, поскольку считается текстом девятого века до нашей эры. А Эстер считается текстом персидского периода. Итак, они появились достаточно рано, пока пророческий голос был еще активен.

Иосиф Флавий в той же книге против Апиона свидетельствует об этом как о главном обосновании. Наша история действительно была написана со времен Артаксеркса очень точно, но наши предки не придавали ей такого же авторитета, как и предыдущая, потому что со времен Артаксеркса не было точной преемственности пророков. Итак, несмотря на то, что тексты продолжают создаваться и свидетельствуют о священной истории Израиля

после персидского периода, эти книги не пользуются таким же уважением, потому что пророческий голос прекратился.

Вы также можете обратиться к нескольким текстам Первой книги Маккавеев за доказательствами того, что мы ожидаем прихода пророка, который даст нам наставления, но мы не получаем их регулярно. В раввинистическом тексте мы находим такой же хронологический аргумент. Книга Бен-Сира и все книги, написанные с тех пор, не оскверняют рук.

Итак, есть какое-то временное чувство. После определенного момента пророческий голос прекратился. Здесь следует лишь упомянуть, что раввинская литература использует нелогичную метафору для разговоров о каноничности.

Священные книги оскверняют руки. На самом деле они говорят о святости, но с этим вам все равно придется разобраться, прежде чем переходить к следующей работе. Книги, не являющиеся каноническими, не оскверняют руки.

Растущий консенсус в отношении закрытого канона не означает, что евреи перестают читать, ценить или даже уважать тексты, выходящие за рамки этого канона. Как мы уже обсуждали, Бен-Сира цитируется в раввинистической литературе почти сто раз. Иногда его называют по имени.

Иногда его материалы цитируются не по имени. Иногда его материал цитируется так, как будто он взят из Притчей. Необычная ошибка для раввинов, но она случается.

Тем не менее, он продолжает оставаться ценным собеседником, и даже после того, как решение принято, это всего лишь обычная книга. Это по-прежнему книга мудреца, которую стоит прочитать. А еще у нас есть такое свидетельство из 2 Ездры, с которым мы уже встречались при обзоре всех книг апокрифов.

94 свитка записаны в течение 40 дней после того, как Эсра выпил эту огненную смесь, очевидно, получившую божественное вдохновение. Итак, он воссоздает 24 канонические книги, но диктует и еще 70 книг, которые должны читать только достойные или мудрые из народа. Эти внеканонические книги не будут иметь значения для обычных евреев, но их продолжает читать эта эзотерическая группа, из которой и возникла книга 4-й Эсры.

Эта эзотерическая группа считает себя мудрейшими среди людей. Теперь, когда мы думаем о еврейском каноне, я считаю необходимым потратить немного времени на размышления о мифе об Александрийском каноне. Это миф, который уходит.

Но в книгах все еще можно найти идею о том, что у александрийских евреев был гораздо более широкий канон, чем у палестинских евреев. Это особенно заметно среди греческих православных авторов. Им не обязательно здесь раскрываться, но так уж получилось, что они думают, что их канон основан на александрийском еврейском каноне.

Миф заключается в том, что то, что мы находим в так называемой Септуагинте христианской церкви IV и V веков, — это то же самое, что Септуагинта, которую грекоязычные евреи использовали во времена Христа. Это просто результат путаницы в значении самого термина. Да, мы говорим о Септуагинте I века до нашей эры.

Но под Септуагинтой мы подразумеваем греческий перевод Торы, произошедший около 250 г. до н.э., и, в конечном итоге, греческий перевод пророков и писаний. Но мы, следовательно, не имеем в виду все, что появляется в Септуагинте, как это известно в христианской церкви в великих рукописях, Синайском кодексе, и, что вы имеете в виду, в переплетах Библии ранней христианской церкви IV и V веков. Содержание последнего не является свидетельством того, что александрийские евреи считали каноническими до христианской эры или после христианской эры, если уж на то пошло.

Напротив, все свидетельства, которые мы имеем, например, от Филона Александрийского, предполагают, что они никогда не выходили за рамки того, что можно было бы назвать еврейской Библией, с точки зрения понимания границ Священного Писания. Какое все это имеет отношение к христианскому канону? Ну, во-первых, да, церковь, безусловно, унаследовала совокупность авторитетных писаний, но церковь родилась слишком рано, чтобы унаследовать закрытый список писаний от синагоги как данность. Кроме того, я считаю важным то, что ранняя церковь с нетерпением искала больший объем текстов, в которых она видела отражение и поддержку своей собственной особой веры, надежды и идеала.

Очевидно, что христианский канон будет намного толще еврейского, потому что мы принимаем послания Павла, Евангелия, послания других апостолов и тому подобное. И ранняя церковь жаждет такой литературы. Она унаследовала определенный свод Священных Писаний, но послания Павла очень быстро становятся авторитетными, полезными, основополагающими и, следовательно, в конечном итоге каноническими писаниями для этой новой группы.

Ранняя церковь также, в поисках тех текстов, которые питали нашу идентичность, пришла к тому, чтобы придать высокий авторитет другим еврейским текстам, помимо текстов Нового Завета, которые также не пользовались равным уважением со священными писаниями в еврейской общине. Итак, мы уже немного рассмотрели вопрос об использовании

апокрифов в самых ранних церквях. Считали ли Иисус и его первые последователи, например, Бен-Сару, Мудрость Соломона или Товита частью своих Священных Писаний, частью канона священных текстов? И наш ответ должен быть, вероятно, нет, поскольку они никогда не читают отрывок из апокрифической книги с формулой цитирования, как она написана, или как говорит Дух, или с какой-либо другой такой вводной формулой, придающей авторитет этому материалу из апокрифов. как исходя из Священного Писания.

Однако безошибочный отпечаток некоторых апокрифических писаний на писаниях Нового Завета показывает, что Иисус, Павел и другие голоса апостольского периода ценили их содержание как источник этики, размышлений о Боге и других вопросов. И я бы сказал, что по мере развития ранней церкви, а здесь мы больше смотрим на II и III века, оценка апокрифических книг наряду с Священными Писаниями и даже во многих случаях как Священных Писаний была отчетливо христианским явлением. Христиане II и III веков, несомненно, признали влияние Мудрости Бен-Серы в Евангелиях, в Послании Иакова.

И поэтому они пришли к выводу, что, возможно, мне следует познать Мудрость Бен Серы. Может быть, мне стоит с этим ознакомиться, что оказало определенное влияние на наши основополагающие документы. Они также нашли апокрифические книги, книги того, что мы сейчас называем апокрифами, полезными ресурсами в их собственной борьбе.

Например, истории мучеников 2-й и 4-й Маккавеев, как мы уже исследовали. Итак, это первоклассная вдохновляющая литература, когда мы, как развивающаяся церковь, сталкиваемся с самыми серьезными проблемами. И ранняя церковь осознает, что еврейская община не принимает эти тексты как Священные Писания.

Итак, мы на самом деле наблюдаем продолжающиеся с самых ранних веков споры о том, как использовать эти книги, которые протестанты называют апокрифами. Принимаем ли мы еврейское определение канона? Или нет? Поскольку, очевидно, мы не приняли их определение канона в отношении Иисуса и Апостолов. Мы находим свой путь, а что имеешь ты? Итак, один из важных вопросов, возникающих в этих дебатах (и это, вероятно, наиболее консервативный вопрос среди этих двух), заключается в том, какой текст конкретной книги должен функционировать как каноническая форма этой книги в христианской церкви: греческая форма или еврейская форма? Этот вопрос уже касается дополнений к Даниилу, расширенной версии Есфири, и, как ни странно, Варуха и Послания Иеремии, которые почти всегда считались дополнениями к Иеремии.

Итак, это своего рода часть Иеремии, если хотите. Греческая форма, а следовательно, и более толстая форма этих литературных произведений, поддерживалась и использовалась такими авторитетными фигурами, как Ириней в его книге «Против ересей» или Ипполит в его «Комментариях к Даниилу», поскольку он комментирует все 14 глав, а не только 12 глав. И даже Афанасием в его знаменитом 39-м праздничном послании, которое является основным текстом ранней документации канона Нового Завета.

Но в том же Праздничном послании говорится и о ветхозаветном каноне. Как ни странно, Афанасий сдержанно относится к апокрифическим книгам, таким как «Премудрость Соломона» и «Премудрость Бен-Сира». Он продвигает их использование, но не их равный статус с Исией и Второзаконием.

Но при этом он пропагандирует именно греческие тексты Даниила и Эстер, отсюда и дополнения к Даниилу, дополнения к Есфири и что там. Вызов этой практике был брошен христианским ученым по имени Юлий Африканский в начале III века. Проблема, вероятно, возникла потому, что он некоторое время жил и учился в Иудее.

Там он познакомился с еврейской практикой, еврейскими текстами и типами текстов этих книг. Он написал первоисточнику, задавая вопрос, должны ли те части Книги Даниила, которых нет в еврейском тексте, иметь какой-либо вес в христианской церкви. И происхождение дает ему, мягко говоря, воодушевленный ответ.

Ориджин — руководитель катехизической школы в Александрии. Он сам является знатоком иврита. Он хорошо знает еврейскую текстовую традицию Священных Писаний и то, чем она отличается от греческой текстовой традиции.

Но он пишет в ответ Африканусу. Итак, когда мы замечаем такие различия, как те, которые вы указали, должны ли мы немедленно отвергать как искаженные версии Священных Писаний, используемые в наших церквях? И призовите христианское сообщество выбросить священные книги, которыми они сейчас пользуются. И обращаться к евреям с петицией, уговаривая их дать нам копии, которые должны быть якобы неизменными и свободными от подделки? Должны ли мы думать, что то же провидение, которое предусмотрено для создания всех церквей Христовых посредством Священного Писания, не позаботилось об искупленных ценой? Те, за кого умер Христос? Кого же Сын Божий, Бог есть любовь, не пощадил, но предал Его за всех нас? Чтобы с ним Бог мог даром дать нам все? В этих случаях поразмысли, не лучше ли было бы запомнить слова и не переносить древние вехи, которые поставили твои отцы. Итак, Ориген недвусмысленно заявляет, что Африкан ошибается, бросая этот вызов.

И он использует два аргумента. С одной стороны, христианские церкви уже на протяжении веков используют греческие тексты Даниила и Есфири. И сейчас неправильно менять эту практику.

Удалите ориентиры, которые поставили ваши отцы. Но он также выдвигает этот богословский аргумент и поднимает вопрос. Теперь позвольте мне внести ясность.

Вы думаете, что у евреев, которые не верят в Христа, будут лучшие типы текстов, чем у нас, уверовавших во Христа, принявших этот невероятный дар и цену, которую Сын Божий заплатил за нас. Должны ли мы предположить, что Бог, который так возлюбил нас, что дал нам Своего Сына, также не позаботился о том, какой тип текста Священных Писаний нам следует иметь и использовать в наших церквях? Этот аргумент во многом решает вопрос для христианских церквей. И споров не так много, как о том, следует ли нам использовать еврейский Даниил вместо греческого Даниила, еврейскую Эстер вместо греческой Эстер.

Некоторые будут, но не так много, как продолжают задавать второй вопрос. Является ли еврейский канон определяющим для христианского канона Ветхого Завета? Не говоря уже о том, что христианская церковь уже использует 27 книг Священного Писания, а синагога — нет. И мы действительно находим ряд важных отцов ранней церкви, продвигающих более короткий канон Ветхого Завета.

Несмотря на то, что некоторые из этих отцов продвигают более длинный текст некоторых книг еврейского канона, в конце второго века Мелитон Сардийский представил свой список книг Ветхого Завета, которые соответствуют современному протестантскому канону, за исключением Эстер, как плод его обучения в Палестине. По его словам, на том самом месте, или, может быть, где, как говорит Евсевий, на том самом месте, где эти вещи были провозглашены и произошли.

Спустя столетие после Оригена Афанасий, епископ Александрийский, попытался продвигать тот же более короткий ветхозаветный список, теперь включающий Есфирь. Опять же, включены дополнения к Даниилу и греческой Есфири, Варуху и Письму Иеремии. О каноне он пишет в своем знаменитом праздничном письме.

Помимо этих, есть и другие книги, хотя и не включенные в канон, но назначенные отцами для чтения вновь присоединяющимся к нам и желающим наставления в слове благочестия. Мудрость Соломона, и мудрость Сираха, и Есфири, и Юдифи, и Товита, и то, что называется Учением Апостолов, которое мы знаем как Дидахе и пастыря Ермы. Но первые, то есть все перечисленные

канонические книги, первые, братия мои, включаются в канон, а вторые только читаются.

Нигде нет упоминаний об апокрифических писаниях. И спешу здесь добавить, что под апокрифическими писаниями он, очевидно, имеет в виду не те, которые только что перечислил, — Премудрость Соломона и Сираха. Он говорит об апокрифах Нового Завета, гностических евангелиях, таких как Евангелие от Фомы, или о посторонних действиях апостолов, таких как действия Павла и Феклы.

Итак, здесь мы обнаруживаем ту позицию, которая вновь возникнет в Реформации более короткого канона Ветхого Завета, но продолжающегося продвижения чтения этих дополнительных книг, Премудрости Соломона, Премудрости Сираха и так далее. как полезная литература, которая назидает, но просто не обладает авторитетом канонического писания. Величайшим поборником еврейской версии более короткого канона Ветхого Завета и еврейского текстового типа канонических книг был Иероним, учёный и епископ четвертого века. Иероним выучил иврит в Палестине у раввина.

Он создал свой латинский перевод, который впоследствии стал известен как Библия Вульгаты, основанный, насколько это возможно, в основном на еврейских текстах. Он отметил и отметил различия между греческой и еврейской версиями книг Даниила, Есфири и Иеремии, хотя и предоставил перевод всего текста. Церковными книгами он также назвал книги, которые мы называем апокрифами.

Он снова перевел их, но отметил как книги второго порядка. Церковное значение ценится в христианской церкви, его правильно читают в церквях и используют в качестве назидательного ресурса, но это книги второго порядка. Теперь Августин категорически не соглашался со своим современником Иеронимом.

Среди книг Ветхого Завета, следуя практике большинство христиан Западной Церкви, среди которых эти книги получили признание как авторитетные. Позиция Августина была подтверждена в списке книг для чтения в церкви под названием «Божественное Писание», составленном епископами, собравшимися на Карфагенском соборе в 397 году нашей эры. Между прочим, дополнения к Даниилу и Эстер, хотя и не упоминаются конкретно Августином или в этом списке, естественно включены, потому что на Западе используется греческий тип текста Даниила и Эстер.

В Восточной церкви учитель Оригена, Климент Александрийский, считал мудрость Соломона и мудрость Бен-Сираха Священным Писанием. А Иоанн Златоуст, выдающийся богослов в Греческой Православной Церкви, подтвердил,

что Товит, Юдифь, Бен-Сирах и мудрость, в дополнение к греческим текстам Даниила и Есфири и, возможно, дополнения к Иеремии, также являются каноническими Священными Писаниями. Другой вид доказательства каноничности исходит из Библии четвертого и пятого веков, переплетенных кодексов, переплетенного кодекса Библии.

И ничто так не говорит о каноне, как передняя и задняя обложки, разграничивающие то, что будет включено. Но даже здесь мы обнаруживаем поразительные различия между тремя сохранившимися кодексами четвертого и пятого веков. Синайский кодекс включает в себя первого Ездры, Товита, Юдифи, первого и четвертого Маккавеев, мудрость Соломона и Бен-Сираха.

Между прочим, все они сохраняют более длинные формы и, следовательно, дополнения к Даниилу и Есфири. Но, видите ли, между всеми тремя дополнительными книгами есть разнообразие. Кодекс Ватикана будет включать в себя сначала Ездру, Премудрость Соломона, Премудрость Бен-Сираха, Юдифь, Товита, Варуха и письмо Иеремии, но не книги Маккавеев.

Александринский кодекс включает Варуха, письмо Иеремии, Товита, Юдифи, первую Ездру, все четыре книги Маккавеев, а также Псалом 151 и Молитву Манассии, в своего рода приложении к гимнам, которое появляется сразу после Псалмов, называемых Одами. . Это сборник библейских и в некоторой степени внебиблейских гимнов для использования в церкви. Я говорю внебиблейский, я имею в виду 151 Псалом и Молитву Манассии.

Два из этих кодексов даже включают в себя несколько дополнительных книг Нового Завета. Например, Синайский текст включен в приложение, в котором говорится что-то вроде «Послания Варнавы» и «Пастыря Ермы». Александрин добавляет Первый и Второй Климент после Книги Откровения.

А согласно Оглавлению, хотя оно сейчас и отсутствует, когда-то в него входили Псалмы Соломона. Не мудрость, а Псалмы Соломона в приложении к Новому Завету. Очевидно, что речь не идет о более толстом каноне Нового Завета, потому что они выглядят как приложения.

Но апокрифические книги, о которых я упомянул, все вкраплены в Ветхий Завет. Итак, мы имеем здесь свидетельство того, что Ветхий Завет в этот период все еще оставался аморфным. Существует постоянный вопрос о масштабах канона Ветхого Завета, вплоть до Реформации в самой католической церкви.

Например, Григорий Великий, Иоанн Дамаскин, Гуго Сен-Викторский, Николай Лирский и даже кардинал Томас Каэтан, известный противник Мартина Лютера, выступали против того, чтобы рассматривать апокрифические книги как часть более узкой книги и приравнять ее к ней. Канон Ветхого Завета. На Востоке

Григорий Назианзин выступал за более короткий канон Ветхого Завета, даже когда он проповедовал тексты апокрифов. Что ни разу не подвергалось сомнению на протяжении всего этого периода, так это ценность апокрифических книг для информирования христиан, предоставления образцов благочестия и верности и иным образом дополняющих религиозные и этические знания, которые можно получить из тех книг, которые повсеместно принимаются во всем мире. Христианская церковь как полезная.

В этот момент мы подходим к размышлению об апокрифах и Реформации. Принцип реформаторов *sola scriptura*, только Писания, утверждающий авторитет Священного Писания над постановлениями церковных соборов, пап, схоластического богословия и традиции, как высшую норму, по которой следует оценивать христианское учение и практику, отдавал приоритет решению этого вопроса. раз и навсегда, что представляет собой Писание? Где пределы? Классические реформаторы знают об исторических дебатах по поводу апокрифов. И, как мы уже отмечали в нашем марше по апокрифам, в апокрифах есть некоторые особенно проблемные тексты.

Мы рассмотрели Товит 4 и то, что там говорится о делах милосердия, собирании себе сокровищницы у Всевышнего, что становится текстом, который используется для поддержки идеи о том, что мы можем иметь дела заслуги перед Богом. И даже при этом мы можем создать сокровищницу заслуг, которую другие люди смогут использовать, чтобы помочь им перед Богом. Мы рассмотрели 2 Маккавеев 12:43–45, где текст используется для поддержки молитв и приношений за умерших.

Однако у всех реформаторов первого поколения мы обнаруживаем не отказ от апокрифов, а умеренность в использовании этих текстов. Сами реформаторы продолжали относиться к этим текстам с большим уважением. Например, Мартин Лютер берет на себя труд перевести книги, которые он сейчас считает апокрифами, в рамках своих усилий по созданию немецкой Библии.

Но он помещает их, включая дополнения к Даниилу и дополнения к Есфири, которые он отделяет теперь от книг Даниила и Есфири в Ветхом Завете. Он помещает их в отдельный раздел между Заветами, где они, откровенно говоря, и принадлежат хронологически. В своем предисловии к этому новому разделу, этому первому печатному апокрифу, если хотите, между Заветами, он пишет: « Это книги, которые, хотя и не почитаются как Священное Писание, тем не менее и полезны, и их приятно читать . Если мы посмотрим на некоторые другие предисловия, которые он пишет к конкретным книгам апокрифов, мы увидим другие примеры его особого одобрения и оценки книг апокрифов, фактически говоря своим лютеранам продолжать их читать.

В его предисловии к «Премудрости Соломона» мы читаем: « В ней много хорошего, и ее стоит прочитать». Эта книга является хорошим изложением и примером первой заповеди. Вот главная причина, по которой следует читать эту книгу: чтобы научиться бояться Бога и доверять ему, чтобы Он мог помочь нам Своей благодатью.

У меня просто возникла такая мысль для пропаганды апокрифов. На обороте у меня сейчас будет список одобрений, и его стоит прочитать, Мартин Лютер. Эту похвалу мы читаем в предисловии Лютера к Первой Маккавейской книге.

Эта книга — одна из тех, которые не являются частью еврейской Библии, но ее слова и рассуждения почти так же поучительны, как и слова других книг Священного Писания. И не было бы неправильно считать ее таковой, потому что это очень нужная и полезная книга, о чем свидетельствует пророк Даниил в 11-й главе. По этой причине и нам, христианам, полезно читать и знать ее.

Лютер совершенно справедливо отмечает, что если мы хотим правильно понять 11-ю главу Даниила, нам нужно знать гораздо больше о межзаветной истории, потому что 11-я глава Даниила следует за историей Птолемея и Селевкидов в их войне друг против друга и фокусируется на истории Птолемея и Селевкидов в их войне друг против друга. особенно о деятельности Антиоха IV. И очень многие люди неправильно прочитали 11-ю главу Даниила, потому что не последовали совету Лютера, поэтому они прочитали Первую Маккавейскую книгу и ознакомились с межзаветной историей. Швейцарские реформаторы также придерживались того, что можно было бы считать высоким мнением об апокрифах по сравнению с мнением большинства их потомков.

Ульрих Цвингли в своем предисловии к Цюрихской Библии 1531 года утверждает, что апокрифические книги, которые он также выделяет и печатает в отдельном месте, не являются частью Ветхого Завета. Он утверждает, что в апокрифических книгах содержится много истинного и полезного, способствующего благочестию жизни и назиданию. Он сравнивает апокрифические книги с зеркалом, и, извините, беру свои слова обратно.

Неоспоримые канонические книги Ветхого Завета он сравнивает с зеркалом, в котором ясно отражается благочестие. И апокрифы о воде, иногда прозрачной, иногда мутной и мутной. И, без сомнения, он думает о Второй Маккавейской 12 и Товите 4, в таких местах, как в таких местах.

Поэтому он советует критически относиться к этим книгам и даже цитирует с этой целью 1 Фессалоникийцам 5:21. Все испытывайте и крепко держитесь хорошего. Важная вещь, которую я хотел бы сделать из этого, это то, что он действительно призывает читать апокрифы и тщательно их анализировать.

Он не потворствовал бы полному пренебрежению этим вопросом. Цюрихское исповедание 1545 года также утверждает, что апокрифы полезны и плодотворны для христиан, если их содержание интерпретируется в соответствии с каноническими писаниями. Позиция Жана Кальвина, по сути, та же самая в его более ранних работах.

Например, в Предисловии к Ветхому Завету Женевской Библии 1546 года, которую часто приписывают тогда Жану Кальвину, мы читаем это. Верно, что апокрифы не следует презирать, поскольку они содержат хорошее и полезное учение. При этом он, конечно, делает тщательное различие между теми книгами, апокрифическими книгами и теми, цитирую, данными нам Духом Святым, которые должны иметь преимущество над тем, что исходит от людей.

Менно Симонс, который, конечно, является отцом меннонитов и анабаптистов, важных анабаптистских пиетистских движений, он также сохранил очень высокое мнение об апокрифах. Фактически, он выходит за рамки своих коллег-реформаторов. Он цитирует их наряду с книгами еврейской Библии как имеющими равный авторитет.

И он особенно ценит тексты, касающиеся мученичества при Антиохе IV, 1 Маккавеев 1 и 2 Маккавеев 6–7, потому что эти тексты были очень важными ресурсами, помогавшими поддержать анабаптистов перед лицом преследований, как со стороны католических, так и протестантских оппонентов. В английской Реформации мы снова находим одобрение квалифицированного использования апокрифов. Томас Кранмер, давший нам 39 статей религии, пишет в шестой статье, что в остальных книгах, как сказал Иероним, церковь читает, например, примеры жизни и наставления нравов, но тем не менее она не применяет их для установления какого-либо учения.

Итак, здесь мы снова имеем то знаменитое различие между использованием апокрифов в вопросах богословия и использованием апокрифов в вопросах благочестия, преданности и этики. Чтения из апокрифов продолжают использоваться в богослужениях недавно сформированной англиканской церкви. Все печатные Библии должны были включать апокрифы, однако, как и Лютера и Женевская Библия, они печатались как отдельный раздел.

Теперь, в ответ на этот шаг реформаторов, Римско-католическая церковь предприняла собственный шаг. На Тридентском соборе 1546 года Римско-католическая церковь подтвердила ранее принятое решение, принятое на гораздо менее известном Флорентийском соборе 1442 года, который к тому моменту уже представлял позицию большинства внутри католической церкви. Он официально подтверждает, что Товит, Юдифь, Премудрость, Бен-Сира, Варух, Первая и Вторая Маккавеи, а также весь материал, содержащийся в

более длинных версиях Даниила и Есфири, являются частью канона Ветхого Завета.

Это решительное утверждение или подтверждение со стороны Католической церкви, похоже, породило противодействие среди некоторых протестантов. Фактически, это побуждает их, своего рода, формировать реакцию, чтобы они стали менее умеренными в своей позиции относительно ценности апокрифов. Значит, скажет Кальвин позже в жизни, после Тридентского Собора, я не из тех, кто хочет вообще проклясть чтение этих книг, но доверяет им? До сих пор это никогда не было их уделом.

Итак, я думаю, что даже при жизни Кальвина мы обнаруживаем отход от четкого подтверждения их ценности к еще большей сдержанности, поскольку Римско-католическая церковь, в ответ на реформационные церкви, продолжает делать это все более и более важной проблемой. определения между двумя движениями. Вестминстерское исповедание 1647 года ставит апокрифы в один ряд с любыми человеческими произведениями без какой-либо особой похвалы. Там мы читаем, что книги, обычно называемые апокрифами, не являются богодухновенными, не являются частью канона Священного Писания и, следовательно, не имеют никакого авторитета в Церкви Божией и не могут быть одобрены или использованы иным образом, чем другие человеческие книги. сочинения.

Итак, то, что мы впервые находим там в тексте Реформации, - это чисто негативное утверждение об апокрифах, какого авторитета они не имеют без соответствующих позитивных утверждений, а именно, о том, что их все еще хорошо и полезно читать. И я думаю, что это представляет собой своего рода важный поворот в протестантской оценке апокрифов периода Реформации. Но спешу отметить, что это не была позиция Лютера, Цвингли или предсоборного Тридента, Кальвина.

На английском языке, ну, не только в английской церкви, мы видим, что, несмотря на такой поворот, Библии продолжают печатать с апокрифами. Версия короля Якова 1611 года включала апокрифы и постоянно существовала до 1631 года. Когда Иоахим Моргенвег опубликовал Библию Гамбурга-Лютера еще в 1708 году, она также содержала апокрифы.

Моргенвег также защищал эту практику, исходя из внутренней ценности апокрифов. Он пишет, что они приложены к Священному Писанию Ветхого Завета и предоставлены для чтения христианам, потому что они весьма полезны для назидания народа Божия, а также являются зеркалом Божественного промысла и помощи. Христианская мудрость, хорошая домашняя дисциплина и здоровое нравственное учение, несмотря на то, что они не имеют прямого божественного происхождения, а написаны простыми людьми.

После 1631 года Библии для личного пользования начинают печатать без апокрифов, хотя Библии для использования в церквях, Библии для большого алтаря и кафедры продолжают включать эти книги, поскольку чтение из нескольких апокрифических книг по-прежнему будет предписываться лекционным на протяжении всего периода год. Это издание Библии без апокрифов происходит впервые как нововведение со стороны издателей Библии, а не церковных организаций. Благодаря этому нововведению они могут предоставить продукт для индивидуальной покупки и потребления, который был на 20% тоньше и, следовательно, на 20% дешевле, чем Библии, производимые для церковного использования.

Пуритане лоббировали полное удаление апокрифов из каждой Библии. В этом отношении они представляли собой совершенно нереформаторскую позицию. Иностранные миссионерские и библейские общества, наконец, добились удаления апокрифов из большинства печатных протестантских Библий к 19 веку.

И они аргументировали это тем, что собранные ими средства, на которые на тот момент приходилась большая часть печатания Библий в мире, были предназначены для публикации и распространения Священных Писаний, а не для дополнительных книг. По мере того как доступ к апокрифам уменьшался, незнание их содержания в сочетании с продолжающимися предрассудками и полемикой против Римско-католической церкви заставляло протестантов все больше и больше отмежеваться от апокрифов как знака своей идентичности. Таким образом, мнение реформаторов о том, что эти тексты хороши и полезны, было забыто.

Как апокрифы функционировали в современных церквях? Восточные православные церкви обычно воспринимали эти книги как второканонические. Но в том, что мы называем восточными православными церквями, существует большое разнообразие этой практики: греческая православная, армянская православная, русская православная и кто угодно. И, верные своей традиции, они официально подтверждают широкий спектр местных взглядов, практик и исторических решений относительно использования и авторитета той или иной апокрифической книги.

Итак, Восточные Православные Церкви продолжают жить в той ситуации, в которой они всегда жили с самого начала. А именно, разнообразие взглядов на то, как следует использовать и читать эти дополнительные книги. И продолжать терпеть дебаты и двусмысленность, а не навязывать решения, которые могут еще больше расколоть православное сообщество.

Римско-католические церкви, следуя Тридентскому собору, признают большинство книг, о которых мы говорили, апокрифами как часть своего

Ветхого Завета. И этот список, опять же, включает Товита, Юдифь, греческие версии Есфири и Даниила и, следовательно, все издания, Премудрость Соломона, Мудрость Бен-Сира, Варуха и Послание Иеремии, а также Первую и Вторую Маккавеи. В англиканских и епископальных церквях, хотя это явно не канонические тексты Ветхого Завета, они остаются факультативными, или я бы сказал, чтение из них остаётся факультативными уроками в лекционных по определённым воскресеньям, по определённым особым событиям.

Например, Варух 3 - это еще факультативный урок, связанный с, ох и теперь мне неловко. Я не могу забыть точный случай. Но, учитывая его историческое использование, а также службу погребения и бракосочетания, вы все равно можете услышать чтение Мудрости Соломона 3 или Товита 8.

Молитва Манассии и Песнь Трех по сей день используются в качестве песнопений в литургии утренней молитвы в англиканской общине. И, конечно же, другие протестантские церкви полностью запретили публичное чтение этих текстов в своих церквях. И в большей или меньшей степени позволили себе уйти в полное незнание их содержания.

Я бы сказал, что в значительной степени это противоречит рекомендациям основателей многих из этих протестантских церквей. В заключение хотелось бы отметить несколько вещей. Во-первых, почти 2000-летние дебаты внутри церкви свидетельствуют о важности книг, составляющих апокрифы, для Вселенской Церкви.

То есть мой главный вывод из истории всех этих канонических дебатов заключается в том, что из всей еврейской литературы, написанной примерно между 250 г. до н. э. и 100 г. н. э., христианская церковь действительно считала эти книги важными. Потому что они сыграли большую роль. И для большинства христиан они никогда полностью не исчезали из поля зрения.

Они всегда играли какую-то роль и подтверждались даже теми, кто не подтверждал их канонический статус. Варианты в дебатах, как правило, заключались в том, чтобы либо считать эти книги равными по ценности остальному канону Ветхого Завета, либо поставить их на уровень чуть ниже уровня Священного Писания. Позиция, которую Вселенская церковь меньше всего рекомендовала, в том числе Мартину Лютеру, Ульриху Цвингли и даже Жану Кальвину в первые годы его правления, — это позиция умышленного пренебрежения или даже презрения к этим текстам, которыми Вселенская церковь в значительной степени дорожила на протяжении всего своего существования.

Это доктор Дэвид ДеСильва в своем учении об апокрифах. Это занятие 9: «Апокрифы в христианской церкви и каноне».